

철근도원삼대

황 석 영

ХВАН
СОТЁН

ТРИ ПОКОЛЕНИЯ
ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ

◆◆◆
INSPIRIA
Москва

УДК 821.531-31
ББК 84(5Кор)-44
Х30

철도원 삼대 by 황석영

Copyright © Hwang Sok-yong, 2020

All rights reserved

*This book is published with the support
of the Literature Translation Institute
of Korea (LTI Korea)*

Hwang Sok-yong

MATER 2-10

Перевод с корейского

Марии Солдатовой и Ро Чжи Юн

Хван Согён.

Х30 Три поколения железнодорожников / Хван Согён ;
[перевод с корейского М. Солдатовой., Ро Чжи Юн]. —
Москва : Эксмо, 2026. — 496 с.

ISBN 978-5-04-205128-9

Несколько поколений семьи Ли последовательно борются
с японскими, американскими, южнокорейскими властями за
право свободно и достойно жить в своей стране.

УДК 821.531-31
ББК 84(5Кор)-44

© Солдатова М., Ро Чжи Юн, перевод
на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-205128-9

1

Ли Чино обустроил туалет подальше от своего спального места, на противоположной стороне кольцевой площадки. Сначала он пытался держаться за перила, но его туловище клонилось вперед. Ли Чино мог сидеть на корточках, только опираясь на большие пальцы ног. Так он не клонился вперед и не заваливался назад. Пальцы внутри кроссовок скрючены, небось, как когти орла. Надо хорошенько прицелиться.

Он наклонил голову — убедиться, что испражнения попадают точно в пластиковый контейнер из-под каши. Он не сразу придумал, чем заменить ночной горшок. Однажды, когда у Ли Чино случилось несварение, товарищи, оставшиеся на земле, купили ему утром рисовой каши. Трижды поев каши, он поправился. И обнаружил, что размер и высота контейнера из-под каши вполне позволяют использовать его в качестве горшка. Вонь моментально заполняла ограниченное пространство, но стоило закрыть контейнер крышкой, да еще засунуть в полиэтиленовый пакет — становилось терпимо. По просьбе Ли Чино товарищи раздобыли около десятка контейнеров для доставки каши и передавали их ему наверх по несколько штук за раз. Он ежедневно передавал использованные контейнеры вниз, а товарищи мыли их начисто, сушили и возвращали ему.

Ли Чино герметично закупорил контейнер и немного постоял, опершись на перила, посмотрел на неменявшийся городской пейзаж. Было время рассвета — на востоке солнце осторожно показало свой лик, и утренняя заря растеклась по облакам. Мню-

гоквартирные дома и разновысотные здания в центре города напоминали джунгли. Виднелись деревья, рядами вытянувшиеся вдоль дорог, и справа — роща на острове Ёидо. Нежно зеленела майская листва. Мост Омоннэ, где он играл еще ребенком, стал бетонным, но ручей под ним все так же впадал в Ханган.

Площадка, на которую месяц назад посреди ночи взобрался Ли Чино, огибала трубу, торчавшую сбоку от здания теплоэлектростанции. Труба имела высоту сорок пять метров, примерно как шестнадцатизэтажный дом. Может быть, потому, что он привык к современным двадцати-тридцатизэтажным домам, высота трубы не казалась ему чересчур большой и тем более головокружительной. И все-таки площадка была настолько узкой и настолько открытой со всех сторон, что поначалу ему хотелось пролезть сквозь перила и шагнуть во внешнее пространство. Диаметр трубы составлял шесть метров, а ширина огибавшей ее площадки не превышала метр, и, чтобы обойти ее кругом, нужно было сделать двадцать шагов. Или всего шестнадцать, если исключить его спальное место. Существовали люди, которые уже залезали в других городах на башенные краны и могли научить выживать в подобных условиях. Сварщица Ёнсук, хорошая знакомая Ли Чино, во время протеста жила в кабине крана и даже выращивала между опор помидоры и цветы. Она рассказывала, что каждый день видела во сне, как огромный железный кран судоверфи превращается в дерево. Может быть, она физически воспринимала свое маленькое и слабое живое тело, разместившееся посреди огромной груды железа, как железную запчасть. Бывало, она представляла, будто краны напротив тоже превращаются в лиственные деревья и другие гигантские деревья вздымаются из моря тут и там. Чино, в отличие от нее, не делал из трубы какое-то произведение искусства.

За временем невозможно было уследить, оно напоминало резинку, которая легко растягивается, но, стоит ее отпустить, сокращается под действием силы упругости. В древности люди различали день и ночь, видя, темно или светло, примерно определяли время по азимуту и высоте солнца, а у Чино был

сотовый телефон, и он всегда мог узнать время с точностью до минуты и даже секунды. Но постепенно это теряло смысл. Потому что жизнь его состояла из бесконечно повторявшихся дней, в которые ничего не происходило. Только завтрак, обед и ужин в назначенное администрацией время узелками скрепляли равномерную плетенку дня. Завтрак давали в восемь утра, обед — в час дня, ужин — в шесть вечера, и меньше чем за пять минут его товарищ доносил в рюкзаке еду от главных ворот до основания трубы.

Ли Чино перевалило за пятьдесят, и его стаж составлял двадцать пять лет. Около десяти лет он проработал здесь, в округе Ёндынпхо, где прошло его детство, а потом еще пятнадцать лет в провинциальном городе на юге страны. Сначала он был простым заводским рабочим, потом бригадиром, в молодости вступил в профсоюз и, едва успев стать руководителем территориального комитета, оказался уволен. И не просто уволен: завод закрылся и был продан другой компании, работа враз исчезла, жизнь угасла. Уволенные сотрудники поехали в Сеул, где располагался главный офис компании, и начали борьбу за восстановление рабочих мест. Из двадцати человек, требовавших возвращения на завод или перевода на другие места на прежних условиях, осталось одиннадцать, а ядро протеста составляли пять человек — члены исполнительного комитета и те, кто имели возможность жить в Сеуле. Ли Чино и его ровесник Ким Чхансу, Чон и Пак, которым было за сорок, и самый младший из всех — Чха, которому было за двадцать. Подрабатывая на стройках и выполняя поденную работу, соответствующую их навыкам, товарищи по очереди помогают Чино. Полицейские, несущие службу в участке неподалеку от трубы, на которой обосновался Ли Чино, дежурят посменно отрядами по пять человек, а на проходной у главных ворот постоянно присутствует или старший патрульный, или помощник инспектора. Если члены общественных организаций или профсоюза металлургов устраивают возле ТЭЦ митинг, к трубе подъезжает автобус с целым взводом полицейских. В обычный день один из това-

рищей Ли Чино может пройти через главные ворота к трубе и передать ему что-нибудь, подвергшись досмотру на предмет наличия среди передаваемого запрещенки. Утром досмотр проводится довольно тщательно, а вечером, когда начальство уходит с работы, гораздо более небрежно. Если запрещенка обнаруживается, она просто изымается, нарушителя не арестовывают и не избивают, как в прежние времена, так что опасаться особо нечего. Однако на месте составляется протокол, где указывается, какие предметы и с какой целью проносились, после этого дней на десять осмотры ужесточаются. Поэтому они между собой договорились по возможности передавать самые необходимые предметы по вечерам, а те, которые могут быть изъяты, — по вечерам в выходные. Но в полиции тоже люди работают, некоторые полицейские-срочники сочувствовали им, так что время от времени наверх передавалась и запрещенка.

Они заблаговременно провели разведку и за несколько дней до того, как Ли Чино засел на трубе, стали по ночам поднимать на кольцевую площадку все нужное для выживания. Они не ходили через главные ворота ТЭЦ, а с помощью садовой лестницы перебирались через бетонное ограждение неподалеку от трубы. Прежде всего надежно закрепили на перилах пару блоков с веревкой. Чтобы поднимать и опускать провизию и необходимые вещи. Затащили наверх тепличную пленку, а также плотный палаточный брезент, способный защитить от ветра. Раздобыли одноместную двускатную палатку и спальник, налобный фонарь и разные мелочи — по большей части туристическое снаряжение. Ли Чино не забыл про сотовый телефон и батарейки. Решил повесить на перилах плакат с протестным лозунгом. Его товарищи вместе с профсоюзом металлургов создали группу поддержки и на пустыре за ограждением разбили штабную палатку, где попеременно готовили для него еду. Сразу было решено обеспечивать его трехразовым питанием, а прочие проблемы, такие как доставка необходимого количества питьевой воды и утилизация испражнений, разрешились по ходу дела. Ему каждый день передавали по четыре пластиковых бутылки воды, а когда

погода стала жарче, число бутылок увеличили до шести. Две бутылки у него уходили на умывание и чистку зубов, а еще одна — на полив салата и цветов, которые уже начали разрастаться. Товарищи передали Ли Чино семена, зная, что его ожидают долгие тоскливые часы, и через несколько дней после начала протеста он посадил семена в горшки. Пустые бутылки превращались в мочеприемники, и по мере наполнения он ставил их в уголок возле перил, для того чтобы использовать в качестве оружия сопротивления, если бы полицейские вдруг поднялись за ним. Калоприемниками сначала служили полиэтиленовые пакеты, но они пропускали запах и иногда протекали — проблема разрешилась благодаря контейнерам из-под каши.

За день до начала протестной акции Чон и молодой товарищ Чха поднялись вместе с ним на трубу, помогли натянуть пленку и тент. Под конец с внешней стороны перил, на которые уже была натянута пленка, они надежно привесили плакат. На нем крупно, словно заголовок, написан протестный лозунг:

!эжъдопъэъ н оннэлдорд тэН»
«!үтодъэъ ын мйън этйүднтъэъТ

— и ниже, помельче, словно подзаголовок:

„эююсфодп этнжрэддоП»
«!этээм энродъэъ этнвонгтээоя

Ли Чино видит просвечивающие сквозь плакат буквы зеркально тому, как они выглядят для людей из мира по ту сторону перил.

Сегодня ему нужно разобраться с одним делом. Позавчера, в воскресенье, товарищи вместе с ужином положили в корзину разводной ключ. Ключ был завернут в алюминиевую фольгу, из которой торчали два подгоревших рыбьих хвоста, и сначала Ли Чино подумал, что это всего лишь жареная рыба. Но, взяв в руки увесистый сверток, он сразу догадался, что в нем. Ключ был завернут в фольгу вместе с сайрой и спрятан среди продуктов, поэтому от него еще долгое время пахло рыбой.

Он начинает день с утренней зарядки. Раньше он делал зарядку после завтрака для улучшения пищеварения, но потом поменял порядок действий и стал сначала разминать задревневшее за ночь тело. После еды он час ходит туда-сюда по площадке — весь путь в две стороны составляет около тридцати шагов. После обеда снова ходит, а потом выполняет упражнение из трех элементов. После ужина, перед сном он точно так же разминает тело. Тренер из расположенного неподалеку фитнес-клуба несколько раз по телефону объяснил ему, что в каком порядке делать и как выполнять упражнение. Товарищи пошли в фитнес-клуб, обрисовали тренеру ситуацию и связали того с Ли Чино. Тренер сказал, что эффективнее заниматься спортом каждый час, недолго и интенсивно. В качестве упражнений для разминки подходят наклоны и повороты головы, махи руками, приседания, разработка суставов, качание прессы сидя, скручивания тела и под конец расслабление на полу в «позе трупа». Развить мышечную силу можно с помощью таких трех упражнений, как отжимания, полуприседания с прямой спиной, подтягивания, но у него нет турника и другого спортивного снаряжения, так что он выполняет одно комплексное упражнение из трех элементов. Отжавшись, подбирает под себя ноги, из этого скрюченного положения выпрыгивает с поднятыми руками, а потом приседает и, вытягивая ноги назад, встает в планку, чтобы снова отжаться. Это нехитрое упражнение¹ ему было велено делать по двадцать раз для поддержания себя в нормальной форме. Сначала он выдыхался после семи раз. Теперь с трудом делает по десять раз, и неизвестно, сколько ему еще нужно тренироваться, чтобы осилить все двадцать. Зазвонил телефон. Это был их самый младший товарищ Чха.

- С сегодняшнего дня я отвечаю за еду.
- Правда? Ким вышел на работу?
- Да, на стройку. Вечером вернется.
- У всех все нормально?

.....

¹ Ли Чино делает популярное упражнение «бёрпи».

— Да, сейчас приду.

Чха подошел с завтраком к главным воротам. Ли Чино смотрит вниз, опершись на перила. Чха появился на углу бетонного ограждения. Ему навстречу из установленной под трубой караульной будки вышел полицейский-срочник. Чха раскрыл рюкзак, выставил контейнеры с едой, полицейский небрежно осмотрел их и отошел назад. Чино спустил перекинутую через блоки веревку. К концу веревки была привязана корзина. Получив снизу сигнал, что все готово, он разок передернул веревку и медленно подтянул ее наверх.

— Спасибо!

Подняв корзину, Ли Чино помахал рукой, Чха помахал ему в ответ и ушел. В корзине лежали кимчи, каша, яичница, поджаренные сушеные анчоусы. Кроме того, он получил на сегодня шесть бутылок питьевой воды. Если станет еще жарче, придется, наверное, поднимать воду два раза в день. Сперва он проглотил яичницу. Каша подостыла, но оставалась достаточно теплой. Это была густая каша с кусочками овощей. На то, чтобы съесть завтрак, у него не ушло и десяти минут. Он сложил посуду обратно в корзину, почистил зубы, налил в пластиковый тазик воды и умылся. Умылся, словно кот, понемногу зачерпывая воду. Ли Чино подумал, не походить ли туда-сюда по площадке, но в итоге решил, что немалая физическая работа, которую ему предстояло сделать в тот день, послужит достойной заменой спорту. Снизу сообщили, что на этой неделе или в начале следующей могут состояться переговоры с представителями компании: хорошо бы удалось договориться, но он решил готовиться к провалу. С чего бы конфликт, затянувшийся на два года, вдруг разрешился одним прекрасным утром? На трубу он забрался, настроившись на долгую борьбу. После провала переговоров компания, возможно, потребует от полиции насильно прервать его протест, возможно, задействовав вооруженных бойцов. На трубу они будут залезать по лестнице по одному, так что, перегородив вход, Ли Чино сможет продержаться до прибытия товарищей из профсоюза и общественных организаций. Для своей

цели он собирал пластиковые бутылки с мочой. Но не мог на этом успокоиться и задумал привести в негодность последний, вертикальный пролет, продолжавший ведущую к площадке винтовую лестницу. Высота пролета, по грубым прикидкам, составляла метров десять. Пролет имел защитное ограждение из прозрачных акриловых панелей. Если бы Ли Чино изловчился отогнуть этот пролет от трубы, вывернув болты, путь на площадку оказался бы перекрыт.

Ли Чино обвязал себя веревкой и закрепил ее конец на одном из металлических прутьев перил, спустился по вертикальному пролету. Разводной ключ повесил на веревке потоньше себе на шею, чтобы не уронить. Ослабил нижние болты, а те, что были на высоте его роста, вывернул совсем и, решив сохранить, положил в карман спецовки. Болты изначально еле поддавались, а дальше легко откручивались голыми руками. Когда он ключом крутил против часовой стрелки очередной болт, снизу раздался крик:

— Вы что это там делаете?

Ли Чино просто молчит. Нет необходимости отвечать. Пока он продолжал, поднимаясь по одной ступеньке, выкручивать болты, полицейский-срочник сходил на проходную за старшим патрульным.

— Прекратите опасные действия!

Ли Чино посмотрел вниз и молча усмехнулся. Полицейские стали подниматься по винтовой лестнице и через некоторое время, задыхаясь, добрались до места, где прежде стоял Чино. Но он уже успел подняться на три метра выше, и полицейским оставалось только обескураженно смотреть на него снизу вверх.

— Вы портите имущество! — с ответственным видом крикнул старший патрульный, а срочник добавил:

— Вы зачем выкручиваете болты? Это же опасно!

И тогда Ли Чино прервался и ответил:

— Зачем? Чтобы вы не смогли подняться!

— Мы просто наблюдаем за тобой не потому, что не можем пресечь твой протест!

Он выкрутил очередной болт, положил его в карман и сказал:

— Слушайте-ка! Разве лучше будет, если я прыгну отсюда?

— Вот же ж... Как это бесит! Думаешь, проблема одним прекрасным утром разрешится?

Старший патрульный развернулся и начал осторожно спускаться, бормоча:

— Да сиди там вечно! Начальству вообще наплевать...

У Ли Чино ушло полтора часа на то, чтобы вывернуть все болты с двух сторон десятиметрового пролета. Последние три пары болтов он неспешно открутил, удобно расположившись на площадке. Ли Чино оттолкнул пролет, и тот уперся в полукруглое акриловое ограждение. Теперь никто не мог пробраться наверх. Однако и ему путь вниз был отрезан. Неизвестно, скоро ли Ли Чино доведется спуститься, но он с нетерпением будет ждать того дня, когда сможет передать болты своим товарищам, чтобы те, вкручивая их, поднялись к нему.

Как в любой другой день, он пообедал, поделал свое комплексное упражнение, походил туда-сюда, почитал книгу, поужинал, опять поделал упражнение, а под конец размял тело. В это время все люди, закончив работу, выпивали с коллегами или шли домой и там ужинали да смотрели телевизор. Ли Чино поговорил по телефону с женой и обменялся несколькими эс-эмэсками с товарищами из профсоюза. Это был спокойный день, не особо отличавшийся от других. На город опустилась тьма, наступила ночь. Шум постепенно стих, иногда только доносились издали гудки машин. Ли Чино забрался в палатке в спальник и погрузился в сон. Он тут много спал. В темноте нечего было делать, так что в девять часов вечера он уже забирался в спальник и незаметно засыпал.

Ли Чино проснулся от тяжести в мочевом пузыре. Он приоткрыл глаза и принялся ворочаться, не желая вылезать из спальника. Потом расстегнул молнию спальника и выбрался наружу, словно гусеница шелкопряда из кокона. Вокруг густо стелился сизый туман. Он отошел на несколько шагов от палатки и встал

около перил. Помочился за перила — туда, где ничего не было видно. Он вздрогнул, оглянулся и посмотрел на клубившийся вокруг туман, потом высунул правую ногу за перила и пошевелил ею. Как ни странно, нога не провалилась в пустоту. Иногда, ходя туда-сюда вдоль перил, он вдруг чувствовал порыв шагнуть во внешнее пространство. Ли Чино пролез сквозь прутья перил и снова выставил одну ногу вперед. Почувствовал, будто ступил на одеяло или мягкий матрас. Держась обеими руками за перила, он выставил обе ноги за пределы площадки. «Ничего себе! Да тут можно ходить!» Пробормотал он в изумлении и шагнул на подкосившихся ногах в туман. Он как будто шел по заснеженному полю. Сначала Ли Чино утопал в тумане по колено, но постепенно шаги его стали легче, и он словно заскользил. Туман по-прежнему клубится вокруг него облаками. Но он теперь ступает по твердой сухой земле.

Появилась железная дорога. Как только он миновал магазин и питейное заведение с их низкими крышами и окнами, сквозь деревянные переплеты которых лился тусклый желтый электрический свет, по обеим сторонам железной дороги начались узкие переулки. Он шел вдоль железнодорожных путей. Показался Дворец ветеранов, в котором свет уже не горел.

Он вспомнил, что в детстве несколько раз ходил в этот Дворец с отцом смотреть вестерны, а классе в третьем узнал, как туда можно пробираться тайком. Путь в художественную мастерскую, где рисовали афиши, а оттуда через окно в кинозал первым разведка мальчишка из парикмахерской. Изначально это помещение использовалось как армейский склад, а после войны его, заботясь о народе, перестроили под кинотеатр для раненых солдат. Склад был построен из оцинкованной стали и дерева, и художественная мастерская, приткнутая к временному сооружению, всегда была открыта. Дверь мастерской на ночь прикрывалась, но, чтобы зайти внутрь, достаточно было ее просто толкнуть. Над кучами брусев и коробок было защищенное решетчатым ставнем окно склада-кинотеатра. С другой стороны висела закрывавшая окно черная светонепрони-

цаемая штора, и тут же начинались ряды сидений. Однажды кто-то был застукан служителем кинотеатра и получил суровую взбучку, с тех пор на дверь мастерской стали по ночам вешать замок, а окно, как в курятнике, закрыли железной сеткой. Во Дворце работали три мужика-служителя, и все они были инвалидами войны. Хромоногий мужик, передвигавшийся на костылях, работал на кассе, Чертов мужик с ожогом проверял у входа билеты, Однорукий мужик обходил весь кинотеатр. Они по очереди охраняли вход, убирались, совершали обходы, и Однорукий мужик был из них самым страшным. Он с фтором курил, ухватив сигарету парными крюками протеза, а здоровой рукой брал билеты для проверки. В злости он выставлял вперед эти огромные крюки, напоминавшие рыболовные, и рычал: «Только посмей!»

Как-то мальчишка из парикмахерской со смехом сообщил Ли Чино, что проторил новый путь. Вслед за ним Чино рано утром пришел в переулок за Дворцом. У дощатой стены Дворца они отогнули вверх какой-то стальной лист, и в нос им ударил запах испражнений. Чино пожалел о содеянном. Ради вот этого вот он пожертвовал набором ттакчи¹. Мальчишка из парикмахерской запросил в качестве платы набор фишек, и Чино отдал ему свои драгоценные фишки вместе с коробкой. Это была жестяная коробка из-под печенья, купленного на толкучке. Как ни хотелось Чино посмотреть фильм, не мог же он лезть в кинотеатр через туалет. Но товарищ сказал, что уже оборудовал проход и успел дважды бесплатно посмотреть кино. В тот вечер мальчишки, оторвав от картонных коробок по две крышки на каждого, отправились во Дворец. Свет проникал сквозь сортирную дырку, так что они могли видеть дно выгребной ямы. Яма была глубокой и широкой. Они прошли по заранее уложенным камням и, стараясь не вляпаться в лежавшую под сортирной дыркой кучу дерьма, вылезли через эту дырку наверх. Пре.....

¹ Ттакчи — корейская игра с квадратными фишками, свернутыми из листочков бумаги. Цель игры: бросая свои фишки, перевернуть фишки противника.